

К.филол.н., доцент Раимбекова А.А.

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан

К вопросу о художественной антропологии Н.В.Гоголя (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки»)

В литературоведении обособилась самостоятельная научная дисциплина – художественная антропология. Ее предмет – изучение влияния христианства на авторскую концепцию личности и проблемы художественности. Эта область представлена работами: московского ученого М.Ю. Белянина («Художественная антропология позднего Толстого»), екатеринбургского исследователя О.В.Зырянова («Христианская духовность в художественной антропологии А.С. Пушкина»), представителя воронежской школы К. А. Баршта («Художественная антропология Андрея Платонова») и т.д. [1-3]

Однако область художественная антропология может быть рассмотрена и значительно шире. Покажем это на материале цикла произведений Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки (далее и везде – «Вечера»)). Предлагаемый в работе подход, в отличие от упомянутых работ, основан не только на синтезе авторской концепции человека и художественности. Анализ фольклорной поэтики осуществлен в аспекте взаимодействия язычества и христианства. Не менее важным является учет единства эпистолярного и художественного наследия с точки зрения формирования антропологической программы писателя.

В создании идеала прекрасного человека значимо изображение любви как испытания. Испытание героя на способность к прозрению становится возможным благодаря его чуткости к божественному откровению и способности к преодолению дьявола. Трактовка дьявола не только как внешней силы, но и внутренней, когда Вакула вынужден сражаться с чувствами – от слепого обожания, до глубокой ненависти – наиболее последовательно отражает принципы художественной антропологии Гоголя.

Тотальная поглощенность кузнеца Вакулы чувством в «Ночи перед

Рождеством», любовь к Оксане принимает характер тотального романтического конфликта. «Что мне до матери? Ты у меня мать и отец, и все, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моем царстве, все отдал бы тебе ...

...Не хочу, – сказал бы я царю, – ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства, дай мне лучше мою Оксану!».

Сюжет данной повести представляет собой травестиrowание средневекового фольклорного мотива сделки с дьяволом. В цикле «Вечера» трактовка темной силы основана на демоническом олицетворении зла, которое посылается для испытания духовной стойкости человека. Вместе с тем эволюция художественных замыслов Гоголя привела к полифонии смыслов, вариациям нечистой силы от безобидного, сказочного, плутоватого трикстера до аллегорических интерпретаций в мистическом духе, что характеризует движение романтизма в поэтике «Вечеров».

В истории Вакулы стиль автора отражает зависимость от фольклорной поэтики. Противостояние героя и черта осмыслено в духе сказочной традиции, для передачи доблести персонажа. Черт становится самостоятельным персонажем в первой части «Сорочинской ярмарки». Черт – существо для героев реальное. Так формируется преодоление архетипической модели мира. «То-то и есть, что если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля, – значительно сказал человек с яшинкою на лбу. Какая чертовщина? – подхватил человек в пестрядевых шароварах».

Осложнение образа черта приметам социальной власти в «Майской ночи, или утопленнице» привело к изображению пана головы как воплощения антинародной власти, наглой, тупой, жестокой. Так создается социальный подтекст повести, реализующий идею справедливости и гуманности. Здесь же получают развитие сатирические приемы, травестирующие нечистую силу. Черт осмыслен как союзник героев в борьбе со злом, защищающих свою любовь. Здесь прослеживается близость к древнерусской смеховой традиции.

Тема нечистой силы была интерпретирована Белым как тема безродности.

Белый считает, что «нечистая» сила действует «на отщепенцев, потерявших землю, и ищущих кладов ее; основной клад, связь с родом. Утраченная, она связана с темою мести рода, как рока, и с темою гор, этих выперших родовых недр» [11, с.63].

«Вечера» отражают движение писателя от фантастического в духе сказочного мироощущения до аллегорической трактовки ирреального. Здесь вырабатывается гоголевский прием слуха как сюжетного механизма и приема гоголевской сатиры. Слух о том, что в народе появилась подозрительная «красная свитка», ведущая за собой гибель и разорение, на сюжетном уровне реализуется как введение темы нечистой силы. Затем, когда речь заходит о женихе Тараське Грицко и отец невесты начинает расхваливать достоинства его свитки, мистификация, основанная на иллюзии тождества дьявольской «красной свитки» и свитки Грицко. В таком разоблачении мистического, снятии мистификации также прослеживается концепция антимира, характерная для древнерусской смеховой поэтики.

Нечистая сила атрибутирует мир привычных представлений и социальной иерархии в обществе. Так, в мыслях Черевика о жене полисемия, перенос слова «черт» на досаждающие обстоятельства характеризует постоянство нечистой силы в быту. «...туда к черту! Вот тебе и свадьба, – думал он про себя, уклоняясь от сильно наступавшей супруги. Антропоморфизация черта: он живет среди людей, «гуляет, пьянствует», и там, где он, всегда «хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода...», то есть, ведет жизнь обычного разгульного казака, характеризует стиль Гоголя, как тяготеющий к древнерусским истокам смеховой культуры.

Аллегорическая интерпретация в «Страшной мести» разрушает имитацию стиля сказки про колдуна. Мысль о гибели народа расценивается писателем как борьба за христианскую веру. Гоголь приближается здесь к идеям повести о Тарасе Бульбе. «Человек со временем будет тем, чем смолodu был», – замечал в конце жизни в разговоре с друзьями Гоголь. Идею веры и безверия символизируют образы казака Данилы Бурульбаша и колдуна. В казаке

героизирована готовность к испытаниям во имя Родины и веры «голову сложить на ратном побоище». Ему «лучше спать на гладкой земле при вольном небе... Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода, принесшего свежесть казацким косточкам». Другой – «недобрый гость», пришедший из чужих земель, где «все не так: и люди не те, и церковей Христовых нет...».

Гоголь пишет о душе человеческой как мистической тайне. Ужасные сны Катерины, которые в конце концов воплощаются в реальности, внутреннее чувство неприязни и страха, которые она чувствует к своему отцу – это мистицизм. «Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа», - говорит Данило Катерине, и именно эту сокровенную мысль пытался донести Гоголь до своего читателя во всех своих произведениях.

Поиски божественного начала в человеке, попытки понять душу человека в ее мистических, необъяснимых чертах, таинственной смеси порока и добродетели, прекрасного и ужасающего осуществлены Гоголем уже в «Вечерах» и передают осложненность антропологических воззрений поисками истины в духе христианских заповедей.

В «Вечерах» Гоголь передал мысли о спасении души через истинную веру, о воскресении живых из мертвых людей, населяющих сей бренный мир, о поиске божественного предназначения (откровения).

Литература

1 Белянин М.Ю. Художественная антропология позднего Толстого: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М.: Литературный институт им. А. Горького, 2007. – 20 с.

2 Зырянов О.В. Христианская духовность в художественной антропологии А.С.Пушкина //

<http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage &pid=524>

3 Баршт К.А. Художественная антропология Андрея Платонова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2001. – 183 с. // <http://vss.nlr.ru/queries/cat.php?p=7&prid=1&rid=222>

4 Савельева В.В. Художественная антропология: Монография. – Алматы: АГУ им. Абая, 1999. – 281 с.

5 Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции религиозно-учительной культуры: Дис. д-ра филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – 311 с.

6 Белявская Л.Н. Эволюция философского мировоззрения Гоголя: Дис. канд. филос. наук. – М.: АПКППРО МОН РФ, 2005. – 153 с.

7 Гончаров С.А. Сон – душа, любовь – семья, мужское – женское в раннем творчестве Гоголя // Гоголевский сборник. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 1993. – С. 4-29.

8 Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство, 2000. – 784 с.

9 Шульц С.А. Хронотоп религиозного праздника в творчестве Н.В. Гоголя // Русская литература XIX века и христианство / Под ред. В.И. Кулешова. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 229-232.

10 Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: ИМЛИ РАН Наследие, 2000. – 448 с.

11 Белый А. Мастерство Гоголя. – М.: МАЛП, 1996. – 351 с.

12 Виноградов И.А. Сказки Николая Гоголя // Н.В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки». – М.: Наука, 1998. – 317 с.